

М. А. Кулькова
Казанский федеральный университет (Россия)

Репрезентация обыденного знания в немецких и русских поговорках

поговорки, языковая картина мира, концептуальная картина мира, национальная поговороческая картина мира

Решение проблемы соотношения языка и сознания, являющейся одной из центральных тем исследований в области когнитивной лингвистики, характеризуется отчетливой ориентацией на человеческий фактор в языке и неизбежно предполагает учет взаимосвязи языка и картины мира. С учетом сформировавшихся в традиционной лингвистической и философской науке терминов принято различать две картины мира – концептуальную и языковую картину мира (ККМ и ЯКМ), причем в отношении последней параллельно используется термин «языковой образ мира», не являющийся, на наш взгляд, полным терминологическим эквивалентом понятия «языковая картина мира». На необходимость разведения понятий «языковая модель мира» и «языковая картина мира» указывает и Н. Ф. Алефиренко, отмечая, что языковая модель мира акцентирует функциональный аспект типа представления мира, «представляет возможное понимание устройства мира, выраженное при помощи языковых средств», а языковая картина мира «представляет собой совокупность наивных знаний о мире, зафиксированных на разных уровнях (подуровнях) языковой системы...» [Алефиренко 2010: 134-136]. Таким образом, ЯКМ с точки зрения современного лингвосомиотического подхода представляет в упрощенной формулировке «представление о действительности, отраженное в языковых знаках и их значениях...» [Попова, Стернин 2009: 19].

Проблема соотношения ЯКМ и ККМ нашла широкое отражение в работах Р. И. Павилёниса, Г. А. Брутяна, Б. А. Серебренникова, Д. С. Лихачева, Ю. С. Степанова, В. И. Постоваловой, А. А. Уфимцевой, Г. В. Колшанского, Е. С. Кубряковой, Н. Н. Болдырева, В. И. Карасика, З. Д. Поповой, И. А. Стернина, Ю. Н. Караулова, В. Н. Телия, Н. Ф. Алефиренко, В. А. Масловой, Л. Талми, Р. В. Лэнэкера и др.

Исследуя вопрос об отражении картины мира в языке, Б. А. Серебренников справедливо указывал на то, что «концептуальная картина мира богаче языковой картины мира» [Серебренников 1998: 107]. Под концептуальной картиной мира понимается глобальная, целостная, непрерывно конструируемая система информации (мнений и знаний) об универсуме, которой располагает индивид [Павилёнис 1983: 280]. По мнению Е. С. Кубряковой, концептуальная картина мира представляет «функциональное своеобразие ментального уровня в психике и интеллекте человека, уровень мыслительной деятельности» [Кубрякова 1988: 169]. Вербализованная часть концептуальной картины мира составляет языковую картину мира, в которой задерживается наиболее значимая для представителей данного этнокультурного общества информация.

Формирование концептуальной системы включает несколько этапов когнитивной деятельности: этап эмпирического познания, этап понятийного осмысления и этап вторичного осмысления (Г. В. Колшанский, О. В.

Магировская), что позволяет выделить следующие три уровня концептуализации:

1) первичную концептуализацию, в ходе которой происходит получение информации и формирование первичных концептов;

2) базовую концептуализацию, заключающуюся в обобщении имеющейся информации и создании общей классификационной системы знаний;

3) вторичную концептуализацию, предполагающую формирование индивидуального знания [Магировская 2009: 79].

Особый интерес представляет уровень вторичной концептуализации, на котором происходит формирование важной составляющей ЯКМ – паремиологической картины мира (ПКМ) как специфического способа представления системы знаний в особых языковых конструкциях – паремиях. По нашему мнению, паремиологические конструкции представляют устойчивые интерпретативно-оценочные высказывания, в которых запечатлен обширный когнитивный опыт народа, объединяющий результаты предыдущих этапов когнитивной деятельности – эмпирического познания окружающего мира и понятийного осмысления полученной информации представителями определенного этнокультурного социума [Кулькова 2011: 45]. На этапе вторичной концептуализации, характеризующемся высокой степенью субъективности, человек выступает в качестве носителя системы индивидуального знания, мнения и оценки, что позволяет говорить о нем как об интерпретаторе окружающего и внутреннего мира, использующего язык в качестве материальной основы для интерпретации: «Опираясь на систему языка как продукт первично-базовой когнитивной деятельности, представляющей собой набор отдельных лексических единиц и заданных грамматических моделей, интерпретатор обеспечивает возможность ее функционирования в собственных когнитивно-коммуникативных целях» [Магировская 2009: 92].

Справедливым представляется мнение В. А. Масловой о том, что «система социально-типичных позиций, отношений, оценок находит знаковое отображение в системе национального языка и принимает участие в конструировании языковой картины мира» [Маслова 2007: 254]. Данный факт объясняет наличие национально-специфических черт наряду с универсальными признаками отображения внеязыковой действительности в ЯКМ различных этнокультурных обществ. Задействие общих когнитивных механизмов языкового мышления в процессе категоризации и концептуализации информационного континуума, окружающего человека и присутствующего в нем, объясняет наличие универсальных черт в национальной концептосфере и, следовательно, в НЯКМ, в то же время вариативное видение картины мира с учетом различий в географических, исторических, социальных, культурных условиях существования того или иного этнокультурного общества обуславливает наличие специфических черт, а также лакун («пустых клеток» в картине мира по В. И. Постоваловой), что является следствием особенностей мира и человека, отражает пластичность, подвижность, поливариативность картины мира [Постовалова 1988: 52].

В ПКМ находит отражение наиболее значимая часть общей картины мира в виде клишированных языковых конструкций, этнокогнитивный анализ

которых позволяет выявить смысловые константы в национально-языковом сознании, воссоздать полиную картину жизни народа того времени [Попова, Стернин 2009: 22]: «Когда в сене дождевина, тогда в сусеке ведрина», «Жать ячмень зеленком (впрозелень) – дойдет в снопах», «Высушишь пашню – не замесишь квашню», «Много комаров – готовь коробов (под ягоды), много мошек – готовь лукошек (по грибы)», «На Василия (25 апреля) и земля запарится, как старуха в бане», «Земля в снегу – быть пирогу» и т.д. Паремии в качестве вербально-стереотипного способа регулирования человеческого поведения являются национально-традиционной формой проявления наблюдательности, назидательности, рефлексивности в человеческом обществе: «Если звезды блестят ярко – лето предвещает зной, зиму – стужу» – «Wenn im November die Sterne stark leuchten, bedeutet es aufkommende Kälte»; «Больше ветров – больше яблок» – «Wenn Winde wehen im Advent, so wird uns vieles Obst gesendet»; «Муравьи надстраивают и расширяют муравейник – к суровой зиме» – «Im September große Ameisenhügel, strafft der Winter schon die Zügel»; «Ярицу, лен, гречу, ячмень и позднюю пшеницу сей с Оленина дня» – «Ist Maria gebor`n, Bauer, säe dein Korn!».

Двойное преломление паремиологической картины мира (ПКМ) – сначала в национально-специфическом сознании, а затем и в лингвистическом пространстве – раскрывает перед исследователями множество нюансов концептуализации и репрезентации знаний об окружающем и внутреннем мире представителями конкретных этнокультурных обществ. В этой связи проведение паремиологических исследований в сопоставительном аспекте представляется наиболее перспективным в плане сравнения национальных паремиологических картин мира (НПКМ) в различных лингвокультурах, выявления универсальных и уникальных черт в языковом оформлении паремиологических текстов и сопоставлении различных национальных концептуальных систем, реконструирование которых представляется возможным посредством лингвокогнитивного анализа паремиологического материала (см. [Фаттахова, Кулькова 2013; Кулькова 2010а; Кулькова 2010б; Кулькова 2010в; Кулькова 2012а; Кулькова 2012б]).

Возникновение НПКМ обусловлено национальным восприятием паремиологических высказываний, паремиологических текстов в ходе регулярного использования их в бытовом дискурсе, возникновением определенных ассоциаций, образов, символов и т.д., базирующихся на феноменологических знаниях и характеризующихся устойчивостью и общеизвестностью. Представляя вербализованную форму национальной концептуальной картины мира, паремии содержат важную информацию о когнитивной деятельности народа, национально-языковых способах структурирования накопленного опыта, а также о ценностных представлениях определенного этнокультурного общества. Герменевтический анализ ПЕ позволяет не только понять глубинный смысл паремиологического высказывания, но и проследить вариативные возможности употребления паремии в различных бытовых ситуациях, выявить коммуникативные тактики убеждения в паремиологическом дискурсе.

Литература:

Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: [учебное пособие] / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Флинта, 2010. – 288 с.

Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Е. С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 141-172.

Кулькова М. А. Герменевтика народной приметы: когнитивно-прагматический аспект изучения: Монография / М. А. Кулькова. – Казань: Изд-во МОиН РТ, 2011. – 220 с.

Кулькова М. А. Фрейм «наказ» в русской и немецкой паремиологии / М. А. Кулькова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2010а. – № 1. – С. 158-163.

Кулькова М. А. Речевые акты, репрезентирующие коммуникативно-прагматический фрейм «запрет» в русских и немецких паремиологических текстах / М. А. Кулькова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология, журналистика, 2010б. – № 1. – С. 45-47.

Кулькова М. А. Речевые акты предостережения в русских и немецких поговорках / М. А. Кулькова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. «Филологические науки», 2010в. – № 2. – С. 72-75.

Кулькова М. А. Применение прагмалингвистического подхода к изучению поговорок (на материале русского и немецкого языков) / М. А. Кулькова // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки, 2012а. – Т. 154. – Кн. 5. – С. 105-111.

Кулькова М. А. Русские и немецкие поговорки: когнитивно-дискурсивный подход к изучению. Учебное пособие / М. А. Кулькова. – Казань: «Печать-Сервис-XXI век», 2012б. – 214 с.

Магировская О. В. Уровни концептуализации в языке / О. В. Магировская // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: колл. моногр. – М.: ИЯ РАН: Тамбов: Издат-й дом ТГУ, 2009. – С. 78-96.

Маслова В. А. Homo lingualis в культуре: Монография / В. А. Маслова. – М.: Гнозис, 2007. – 320 с.

Павилёнис Р. И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка / Р. И. Павилёнис. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.

Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с.

Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В. И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 8-70.

Серебренников Б. А. Как происходит отражение картины мира в языке? / Б. А. Серебренников // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др. – М.: Наука, 1988. – С. 87-107.

Фаттахова Н. Н., Кулькова М. А. Народные приметы в разноструктурных языках / Н. Н. Фаттахова, М. А. Кулькова. – М.: Флинта: Наука, 2013. – 248 с.